

ОТЗЫВ ОБ АВТОРЕФЕРАТЕ

докторской диссертации
Марианны Андреевны ДУДАРЕВОЙ
«Апофатика русской словесной культуры
Конца Нового времени:
образы смерти»,

представленной по специальности
24.00.01 – «Теория и история культуры»

Начну с того, что диссертация М. А. Дударевой понятийно многосоставна, фактологически насыщена, а уровень эрудиции автора представляется несравненным, – с прочитанными мною аналогичными сочинениями за последние десять лет. Но – к делу.

Первое, что хочется отметить и что выводит рецензента из по-своему трудной ситуации, является не раз проверенная мною на собственном исследовательском опыте аналитическая работа с *именами*, этими опорными символами культуры. И это наблюдение особо верно по отношению к искусству конца XIX – начала XX века. Время, как пишет М. А. Дударева, – *пороговое*, то есть такое, которое создаёт обстоятельства *между* – не только зонами (или олами), но и, что естественно, *смыслами*. Слово здесь окажется заряженным высокой степенью интенсивности таящегося в нём содержания – даже и такого, которое прямо не выражается, но указывает на его потенциальность. Дударева разъясняет, что синонимическими вариантами апофатического слова (именно оно несёт в себе следы магичности, якобы ушедшей в прошлое – какая иллюзия!) является лексика, живущая в локусе *невыразимого, непостижимого, энигматического* и т. п. (см.: автореф., с. 3). Иначе говоря, оно является словом бесконечной семантической перспективы.

Как сказал бы Ю. Н. Тынянов (для тех, кто любит научную классику), Дударева нашла пружину большой интеллектуальной мощности – для дальнейшего продвижения в глубину и высоту избранной ею темы. Мы же продолжим и скажем следующее.

Понятие апофатики, имеющее собственную историю и синтезирующую энергию, исходящую из ментальных эстетических источников, обогатилась русским богословием, охватывая при этом просторность сакрализованного словесного космоса. Об этом определённо говорит автор диссертации, акцентируя мысль о непостижимости Начала-Безначальности, сопряжённых с вышеупомянутой семантикой невыразимого (см.: с. 3 – 6). Останемся на следствиях изложенного автором.

В первую очередь, на далеко не простой модели апофатичности. Это явление базировано на слове (точнее, в самом слове). Следовательно, оно, явление, обладает признаками денотативности или предметной

определённости. С другой же стороны, оно активизирует *неопределённость* как знак непостижимости. Соединение того и другого определяет эффект смыслового *мерцания*. Это – сложная проблема, однако поддающаяся герменевтике с позиций вероятностного модуса аристотелевской поэтики. Эстетическое высказывание исходит из позиции: выраженный предмет – есть и, вместе с тем, его нет. Мысль, повергавшая многих моих студентов в изумление. И, тем не менее, художественный образ вырастает на этой парадоксальной основе.

Такого рода когнитивная специфика классики означает очень многое и служит ступенью в другую парадигму художественного мышления. В самом деле, если символисты (А. Белый), М. Цветаева и поэты футуристической ориентации мечтали о творчестве, не отягощённом языковыми постулатами, то, кажется, это очевидно, апофатизм и позволял художникам достичь успеха в этой дерзости. Ведь апофатика есть не что иное, как *инобытие* топологических и других компонентов художественного творения, о чём выразительно пишет Марианна Андреевна. На с. 22 Автореферата читаем: «Апофатическая составляющая отечественной словесной культуры конца Нового времени обретает выражение в системе разноуровневых языковых единиц, обладающих семантикой невыразимого (несказанный, немислимый, невечерний, невиданный, неведомый и т. д.), связана с особенностями пространственно-временных отношений в художественном тексте. (...) Апофатика предстаёт в качестве глубины погружения в инобытие».

Так возникают *открытые* стилевые структуры с их «безднами» (столь любимыми М. Цветаевой, А. Белым и др.), куда «проваливаются» оказавшиеся в избыточности, в энтропии, дотоле необходимые лексические ресурсы. А поэты (ещё один из парадоксов модернистского творчества) только и делают, что извлекают во мгле переработанные слова из темнотных пропастей. Читатель теперь должен привыкнуть не только к слову (что было не трудно в силу традиции), но и к его отсутствию. А где же таится *смысл*? Между бытием и небытием. Обнаружите ли вы его во всей полноте? Обязаны! А. Ф. Лосев, имея дело с подобными ситуациями в стилевых структурах, написал так: «Смысл не есть, но – значит». Лучше не скажешь!

Как мне представляется, М. А. Дударева, возможно, сама того не ожидая, подошла к началу новой поэтики с её сложной культурной морфологией. Путь к пониманию апофатического слова был ею пройден, как сказала бы М. Цветаева, «сознательно-бессознательно». В сфере психологии творчества – это не новость. В рецензируемом сочинении лишний раз подтверждается огромная значимость иррациональной стихии – в её созидательной модальности, о чём в науковедческих трудах пишется редко, а то и вообще не упоминается. Так или иначе, исследователем обнаружена *объективно-структурная* связь между классикой и новой парадигмой творчества. Однако разрывность новых стилей и «ускользание» слова (Ж. Делёз) его действительное небытие в поэтологическом строе произведения – слишком сложная и «громоздкая» тема, чтобы вместиться в жанрово-ограниченный объём диссертации. И всё же, как человек «ревностный»,

замечу, что я высоко ставлю сам факт отрефлексированности Дударевой указанной проблемы; это – немало, особенно в контексте методологического панлингвизма с его ортодоксальной идеей сплошности, монолитности художественного текста, тогда как новая философия сочинительства исходит из других теоретических оснований с утверждением мысли о тексте как проекции космической просторности – с её светилами и провалами между ними. Впрочем, как сказала бы А. Кристи, исследователю важно «взять след». Мы видим, что подобное явление – произошло.

Специально отмечу смелый шаг Дударевой в область открывшейся ей культурологической проблемы. Русская художественная литература и эстетика выявляют эту сферу как имагинативную специфику творений искусства. Суть проблемы в том, что утверждающий себя апофатизм содействует ослаблению внешне-каузальных факторов мышления, что, как известно, отмечал М. Хайдеггер. Искусство стало следовать не столько «принудительной» логике действительности (П. Рикёр), сколько веяниям собственной онтологии. С опорой на возможности апофатической активности слова, оно освоило принцип *самопонимания*, включавший идею индедетерминизма образов, то есть их – с этой точки зрения – безосновности и, добавлю, семантической нескончаемости. Оно теперь – дитя «не пошлой» действительности, как считалось в гегелевские времена (Е. Костин), а – пневматологии, жизни духа с его неограниченной миметической свободой и трансцендентностью, о чём убедительно пишет Дударева. Так теоретически зафиксировано единство и масштабированность слова и космоса. Намечен, следовательно, ещё один сегмент изучения фольклорно-эзотерических и собственно логосных оснований словесной культуры. На мой взгляд, это – главная идея диссертационного сочинения Дударевой.

Защита диссертации, как известно, событие определённого жанра, где действует не только соискатель учёной степени, но его оппоненты и члены Совета. У каждого – свой статус. Автор этих строк – «человек из толпы», хотя и имеющий учёные звания. Мой отзыв не обладает статусом «официального» и, следовательно, какой-либо значимостью. Это – «просто» отклик на талантливое научное сочинение. Завершая своё теоретическое эссе, хотел бы сказать кратко не потому, что последнее – «сестра таланта», а в силу законов увлекательного спектакля, каковым и является всякий учёный диспут.

Выше я остановился на вопросах, в которых мне видится актуальность рецензируемого труда. Конечно, в кругу тематизируемых проблем Дударева – не Колумб. Она находится в окружении квалифицированных учёных с их высокими профессиональными исследованиями. Однако у неё есть ценнейшее качество, присущее даровитым учёным. Восхищаешься искусством Марианны Андреевны водружать в один логический ряд антиномически несоотносимые, но волею истории вписанные в единство неожиданные понятия. Это явление, почти не изученное, стоит на пороге серьёзных исследований, частично уже начатых. См., например, серию трудов П. Калитина с его тезисом о том, что в основе русской природы лежат

противоречия, на которых возводится здание национальной культуры и формула её самобытности (подробнее см.: «Литературная газета» № 28 от 14 – 20 июля 2021 г.). Автор настоящего Отзыва причастен к исследованию Серебряного века – в свете указанного методологического парадокса, названного выдающимся русским учёным Н. А. Васильевым «Воображаемой логикой» (М., 1989).

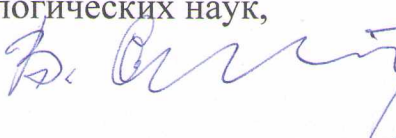
Автор диссертации осмысливает изучаемый материал в системе не только эпохально-актуальных его значений, но и в плане его метафизической роли в русской и мировой культуре, что характерно для учёных Большого стиля.

У меня имеются и соображения другого рода. Не знаю, насколько Учёный Совет сочтёт их творчески интересными, но я движим стремлением к истине. Как все знают, это – древняя мифологема человека познающего. А ему-то приходится порою переживать драматические эпизоды, связанные со сферой идей. И не только идей, но и того, что не всегда выражается в словах, а существует как бы само по себе, рядом со словом или вдали от него, но – непременно с ним, да и в нём самом – тоже. Мы говорим, следовательно, о некоем «бытии-вместе» (Ж.-Л. Нанси). Это – царство алогии – меона и его начальной ступени – укона. Данные элементы – характерные признаки стилей нового типа, колеблющие единоедержавие логоцентризма и тесно связанной с ним методологической панлингвистической рефлексии. Как сейчас стало ясно, иррациональная сила – одна из величайших ценностей культуры (В. Головин, Директор Пушкинского Дома) и в дальнейшем предстоит понять её функции в создании целостного стиля и словесной культуры вообще. Таким образом, Дударева создаёт почву для углублённого исследования проблемы и уточнения её познавательных перспектив. Значение меонально-уконической стихии более широко, нежели концепт смерти, с таким искусством проанализированный Ж. Батаем и М. Бланшо. Однако – не исчерпавшим темы. На очереди – осмысление её в связи с русским пониманием, как оно запечатлелось, например, в трудах свт. Игнатия (Брянчанинова), наших мыслителей Серебряного века и – главное для нас, филологов-русистов и историков культуры – в художественной словесности и других видах эстетического творчества.

Итак, диссертация Марианны Андреевны Дударевой – содержательно глубокое и многогранное исследование актуальной темы с заострением в ней проблем фольклорно-эзотерического, мифологического и, в целом, антропологического характера – в срезе их метафизической и поэтологической оригинальности. По многим вопросам автором сформулированы подлинно творческие решения и плодотворные гипотезы, порою неожиданные, но естественно входящие в современный научный контекст. Тема диссертации раскрыта в полном объёме. Считаю, что осуществлённый труд полностью соответствует критериям п. п. 9, 10, 11, 13, 14, установленным Положением о присуждении ученых степеней (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 – с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 26

мая 2020 г. № 751), ВАК МОиН РФ, а сама М. А. Дударева имеет все основания быть введённой в сонм докторов культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Главный научный сотрудник Научного центра
по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества
Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления»,
доктор филологических наук,
профессор

Раков Валерий Петрович

Подпись Ракова В. П. заверяю:
Зам. директора Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления» А. А. Федотов
Адрес организации: 153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, д. 90,
литер А5
Телефон: +7-961-247-12-43

”28“ июля 2021 г.

